

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр
Институт языка, литературы и истории

ДИНАМИКА СТРУКТУР ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

ООО «Издательство «Кола»
Сыктывкар
2011

УДК 811.511.1
ББК 81.2(=660/=665)
Д 46

Д 46 Динамика структур финно-угорских языков: Сборник научных статей на материалах Всероссийской финно-угорской языковедческой конференции, посвященной юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию профессора Евгения Александровича Игушева и 60-летию председателя Комитета финно-угроведов Российской Федерации Анатолия Николаевича Ракина (11–12 ноября 2009 г., г. Сыктывкар). – Сыктывкар: ООО «Издательство «Кола», 2011. – 304 с.

Сборник, посвященный юбилеям двух видных коми финно-угроведов, 70-летию профессора Евгения Александровича Игушева и 60-летию Анатолия Николаевича Ракина, составлен в целом на основе докладов, прочитанных на Всероссийской финно-угорской языковедческой конференции «Динамика структур финно-угорских языков», проходившей в г. Сыктывкаре 11–12 ноября 2009 г. Тексты выступлений в абсолютном большинстве связаны с выявлением и исследованием диахронных изменений в системах финно-угорских языков на различных языковых уровнях.

Предназначается для научных работников, аспирантов, преподавателей и студентов вузов, учителей средних школ всех республик и регионов, где проживают финно-угорские народы Российской Федерации, а также для всех тех, кому интересны живые финно-угорские языки.

УДК 811.511.1
ISBN 978-5-498-00015-2 ББК 81.2(=660/=665)

Редакционная коллегия:
А.Г.Мусанов, кандидат филол. наук, с.н.с.
Г.А.Некрасова, кандидат филол. наук, с.н.с.
Е.Н.Федосеева, кандидат филол. наук, н.с.
Е.А.Цыпанов, доктор филол. наук, доцент
(ответственный редактор)

Издание сборника осуществлено за счёт финансовой помощи
Министерства национальной политики Республики Коми

© Коллектив авторов, 2011
© ИЯЛИ КНЦ УрО РАН, 2011
ISBN 978-5-498-00015-2 © ООО «Издательство «Кола», 2011

О ЮБИЛЯРАХ

В. К. Кельмаков (Ижевск)

Живой голос из далёких 60-х...

Это случилось в далёких 60-х г прошлого (уже! – хотя все еще не привычно...) столетия, когда я был еще студентом историко-филологического факультета Удмуртского государственного педагогического института имени Х-летия УАО – таково было полное название того учебного заведения, который я закончил в 1964 г. В первой половине 1961 г. я учился, если не ошибаюсь, на втором курсе удмуртско-русского отделения, хотя оно традиционно называлось просто «удмурт-ским отделением».

С позиций сегодняшних дней те годы кому-то могут показаться по-настоящему застойными. Возможно, таковыми они и были: ни тебе многочисленных мероприятий (представлений, конференций, олимпиад...) факультетского, общевузовского, республиканского – тем более международного! – масштаба, как сейчас; ни тебе турслетов, поездок определенных групп студентов в другие города на конкурсные смотры художественной самодеятельности; ни неоднократных промежуточных аттестаций с балльно-рейтинговой системой оценки знаний (будь они неладны)... Но для студентов тех времен, которые допоздна – до 10 часов вечера! – засиживались в кабинетах (кстати, постоянно переполненных) по истории КПСС, удмуртского языка и литературы, русского языка, русской и зарубежной литературы, да еще выпрашивали у лаборанток (так назывались тогда современные методистки) какие-либо монографии по литературоведению с недочитанной главой, «коммунистические» издания с недоконспектированными параграфами в общежитие на ночь, с тем чтобы раненько к 9 часам утра, к открытию кабинета, вернуть обратно, – по-видимому, вполне было достаточно и тех событий и мероприятий. К примеру, силами самих же студентов проводились вечера знакомства с творчеством знаменитых деятелей культуры прошлого (художников, композиторов и др.); организовывались вечера удмуртской литературы с участием поэтов и писателей, смотры художественной самодеятельности УГПИ с выступлением удмуртского хора от нашего отделения (причем репетиции и выступления студентов проводились совместно с преподавателями);

каждая – возможно, не очень частая – премьера спектакля Удмуртского драмтеатра завершалась для нас, студентов, неизменным обсуждением его, в котором участвовали не только студенты и преподаватели, но и ведущие актеры и режиссер. Помнится, широкое обсуждение было проведено после просмотра постановки первого удмуртского балета «Любушка» с бурятской танцовщицей Шулуновой (инициалов не помню) в главной роли; как-то выступил у нас в студенческой аудитории знаменитый удмуртский певец Григорий Титов, имевший такой мощный бас, что мой однокурсник Веня Ширококов прямодушно выразился: «А ведь он может и убить своим голосом!» – впечатление в просторной студенческой аудитории действительно было таково... А читательские конференции; обсуждение первых наших лингвистических опусов в кружке удмуртского языка, в течение ряда десятилетий работавшего под руководством И. В. Тараканова; заседания кружка новинок литературы, которые бесменно вела З. А. Богомолова с приглашением живых удмуртских (и не только!) писателей и поэтов? Мы, студенты тех лет, конечно, были другие, чем современные, но едва ли хуже или лучше – просто иные...

Думаю, что наша студенческая жизнь того времени мало чем отличалась от жизни студентов Коми пединститута, с живыми представителями которых мне удалось встретиться в то время (речь об этом пойдет несколько позднее).

Приятными атрибутами тех лет были нечастые поездки деятелей коми литературы и искусства в Удмуртию и удмуртских деятелей – в Коми. Но какое же посещение нашей республики представителями культуры близкородственного народа, если не будет организована встреча их со студентами удмуртского отделения? Читал у нас свои стихи поэт Серафим Попов, уже весьма почтенного возраста; выступали композитор Яков Перепелица, еще довольно молодой, с женщиной-певицей постарше. Я уж не помню их имен, однако некоторые факты (может быть, и не самые значительные...) врезались в моей памяти. После исполнения коми песен, певица решила «угостить» нас, удмуртских студентов, популярнейшей удмуртской народной песней «Лымы тӧды». Ей, наверное, удалось покорить аудиторию: исполнение действительно было красивое, да и выговор удмуртских слов весьма приятным (видимо, кто-то из удмуртских коллег старательно поработал с ней). Лишь в одном случае ее неточное произношение слегка резануло мне ухо. Хотя строфа в фонетическом отношении была несколько сложная, но вполне под силу носителю коми языка:

*Коёо куёо, коёо куёо,
Коёолэсь но куёо, чулкае.*

Сорока пестра, сорока пестра,
Сороки пестрее чулки мои.

Однако певица по не совсем понятной для меня тогда причине, вместо трехсложного слова *чул-ка-е*, вдруг произнесла двусложное *чул-кас*; но поскольку ритмика мелодии требовала все же трехсложного такта, она вынуждена была растянуть *а*: *чул-ка-ас*. Лишь по прошествии определенного времени я понял одну простую истину: ее удмуртский «учитель» написал ей текст песни **от руки** (о компьютерах тогда и мечтать не могли, да и до пишущей машинки не всегда было добраться), а в рассматриваемом слове последнюю букву начертал не совсем четко: то ли *е*, то ли *с*. Вот певица и увидела в удмуртском тексте чуть ли не свое, родное: удмуртское *чулка-е* «мои чулки» > *чулка-с* → коми *чулка-ас* (*чулкаяс*) «чулки (почти что мн. число)».

Не очень часто, но практиковался и обмен докладчиками на студенческих научных конференциях. Как-то мы в составе небольшой делегации (А. К. Байметов, Р. М. Шкляева и я) съездили в Казань на студенческую научную конференцию, посвященную юбилею классика татарской литературы и основоположника современного литературного языка Г. Тукая, с одним-единственным докладом на троих по теме «Перевод поэмы Г. Тукая «Шурале» на удмуртский язык» (написал и прочитал его А. К. Байметов, который был на курс старше нас и очень активным во всех отношениях – как нынче сказали бы, продвинутым – студентом).

И вот событие, которое засело в моей не захлавленной в те годы обилием событий и фактов памяти, и о чем я заговорил в самом начале своего рассказа, – в 1961 г. к нам на научную студенческую конференцию приехали коми студенты – точнее, студент Евгений Игушев и студентка Люба (ее фамилии не запомнил). Женя прочитал небольшой доклад о языке и стиле С. Попова (на основе одного недавно вышедшего сборника). Тема, наверно, оказалась не случайной: в дальнейшей своей научной деятельности Евгений Александрович продолжил серьезные изыскания в пограничной зоне между языкознанием и литературоведением – его докторская диссертация была посвящена стилистике коми языка.

Игушев, разумеется, очаровал всех девчушек нашего удмуртского отделения, да и парни («филологических» молодых людей в те времена было значительно больше, чем сейчас) быстро нашли с ним общий

язык. Об этом свидетельствует ряд любительских фото, сохранившихся в моем личном архиве. Многие из нас «скоропостижно заболели» коми языком. Несколько студентов – Федор (Федор Федорович Егоров, к сожалению, рано ушедший из жизни), Володя (Владимир Васильевич Романов, будущий талантливый поэт, ныне тоже покойный) и я – выписали по почте недавно вышедший из печати «Комиа-роча словарь», тот самый, который был издан в 1961 г. в Москве под редакцией проф. В. И. Лыткина. Вскоре Федор, изучив самостоятельно коми язык, перевел один из коми рассказов из журнала «Войвыв кодзув» на удмуртский язык, и он был опубликован в журнале «Молот», который ныне издается под названием «Кенеш» («Совет»), как, кстати, и некогда раньше. Что касается меня, то этот словарь, полученный мною в январе 1962 г. (об этом гласит надпись на правом верхнем углу форзаца: «январь 1962 ар, 3 курс. Иж кар»), вплоть до последних лет был важнейшим и единственным справочником по лексике современного коми литературного языка, пока не был издан новый – «Коми-роч кывчукор» (Сыктывкар, 2000).

Мы с Игушевым некоторое время продолжали переписываться, пока наши стежки-дорожки (даже «виртуальные» – как сказали бы нынче) временно не разошлись. И вновь сошлись они, как можно понять, уже в новом для нас обоих качестве – на научном поприще: на конгрессах, конференциях, симпозиумах; во время чтения курса лекций в Сыктывкарском государственном университете, куда меня приглашали несколько раз (и такое практиковалось в прошлом веке), в Финляндии – в период моей работы лектором удмуртского языка и его стажировки, в Ижевске – Евгений Александрович в течение нескольких лет являлся членом Совета по защите кандидатских диссертаций по языкознанию и т. д.

Чудом сохранилось от тех далеких 60-х г. письмо Евгения Александровича – тогда еще просто Жени, пережившее мои многочисленные переезды не только в пределах Ижевска, но и из Ижевска в мою родную деревню Верхняя Юмья Кукморского района Татарской АССР и далее в Москву, и через ряд лет снова в Ижевск. Оно «застряло» между страницами вышеупомянутого «Коми-русского словаря» 1961 г. Письмо незамысловатое, однако оно, как мне кажется, очень живо и жизненно представляет дыхание студента тех далеких лет. Негромкий, но живой голос из ушедшей навсегда эпохи..:

Видза олан, Валик!

Письмоыд тэнад воліс важон нин, аттё, вочавидзнысё онодз на эг слоймы. Сэки бурети зачёт «Коми АССР-лөн история» кузя готовиті – лун и вой лыддьыси, а сэсся локті гортё – Ухтинской районо, картупель пуктыны отсыитны мамлы, но мам волі операція вылын да оні нинём вочны оз вермы. Ковмас, бурако, энотны велодчёмсё институтын да заводитлыны уджавны. Колис оти во велодчыны да, гашко, кызкё помала нин.

Таво экзаменяс бёрын миянысь кык мортёс ыстоны Московской областё диалектологической экспедицияё 1 июльсянь – 1 августодз. Ме тшотш муна. Тіян, наверно, экзаменясныд помасисны нин. Оні ко эм кадныд, волей мияно, Сыктывкаро, видлыны, кызди ми олам. Ме локта Сыктывкаро 10 июньё. 15^{-одз} – миян экзамен политэкономия кузя. Ог тод, кызди сдайтам. Ме таво омолока занимайтчи да. Вообще социализм разделыс абу интересной, сомын история КПСС-ысь фактыяс чукортёма и ставыс. Но кызкё-мыйкё сдайтам.

Валентин, виччысям тіянос Сыктывкарын. Миян од тулыснас да гожомнас зэв лёсьыд. Сомын тай таво тулысыс абу зэв шоныд-а.

Та вылын пока помала. Виччыся Сыктывкаро тіянысь воём.

Аддзысьлытодз.

Е. Игушев

P. s.

1. В письме дата не указана, но время отправления его можно определить по четко сохранившемуся на конверте почтовому штемпелю из Сосногорска – 12.6.62.

2. В копии письма предельно точно сохранены орфография и пунктуация автора, даже если они и не совпадают с современными литературными.

3. Поездка моя по настойчивому приглашению Евгения Александровича в Сыктывкар откладывалась до лучших времен по весьма банальной причине – у меня не было денег (я учился и жил на одну стипендию). Даже домой – в удмуртскую деревню в «далекой» Татарской АССР – я ездил в те времена лишь два раза в год: на зимние и летние каникулы. Однако «лучшие времена» неожиданно оказались не за горами: впервые я оказался в Сыктывкаре через три года – летом (и впрямь *зэв лёсьыд гожомнас*) 1965 г. уже будучи аспирантом Института языкознания АН СССР первого года обучения и участником Всесоюзной конференции по финно-угроведению – первой моей настоящей научной конференции, в сборнике тезисов к которой увидела свет первая моя научная публикация.

Но это уже несколько иная история...